

письма, между тем как сколько слуг, великолепно одетых, окружает нынешних святителей, ожидая их мановения. Мало того: владыки держат при себе «множество батононосныхъ;» «тѣми бивають, мучать и различнѣ досаждаютъ прѣщимся предъ ними священникомъ же и миряномъ».¹ Иоанн Милостивый, хотя и стоял во главе богатой церкви, был чужд всякой стяжательности, «нынѣ же предстоящей (т. е. нынешние иерархи) коликими сицевыми церковными имѣніи владѣюще и стяжаніи сами убо себѣ бесчсленныхъ образовъ одежь и пиць умышляють несытно, о погибающихъ же христіанъ братій мразомъ и гладомъ ни едино творять попеченіе».² Иоанн Златоуст настолько возлюбил убожество и смирение, что, несмотря на зимнюю стужу, пешком совершил большое путешествие в Эфес для посещения и исправления тамошней церкви. Совсем не такова жизнь наших архиереев. И Вассиан заканчивает свое обличение их открытым смелым риторическим вопросом: «Дроченіе же и украшеніе нынешнихъ архіереевъ кто достойнѣ исповѣсть?»³ По убеждению Вассиана, святители должны оставить всякое «мирское киченіе», править так церковными делами, как подобает строителям божиим и слугам, а не властителям и насильникам людей. Отделив себе немного на житейские потребности, они все остальное должны расходовать на братию, нищих, вдов и сирот, а не отдавать церковные деньги в рост и, взимая проценты, расхищать имущество бедных.⁴ Ясно, что мы находим в сочинениях Максима Грека и Вассиана не только один и тот же общий мотив обличений, но совпадение, захватывающее и отдельные существенные элементы их у того и другого. И Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплуатации: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли и на спекуляцию с хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в конкретных чертах, какими описывается у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства. Таким образом есть основание решительно утверждать, что важнейшие сочинения Максима против стяжательного монашества, даже написанные после 1531 г., находились в известной связи с полемикой Вассиана и были в значительной мере ею подготовлены. У Максима можно даже наблюдать как-будто некоторые следы литературной реминисценции трудов Вассиана. В этом отношении особенно интересно «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ

¹ Ibid., стр. 193.

² Ibid., стр. 194.

³ Ibid., стр. 196.

⁴ Ibid., стр. 196, 197.

